



В.В. Тисов

Вологодский государственный университет

О ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ

Данная статья описывает основные этапы развития понимания феномена сознания в новоевропейской философии. Рассматриваются взгляды на сознание таких крупных философов как Рене Декарт, Готфрид Лейбниц и Карл Маркс. Далее более подробно раскрываются основные идеи направлений философии сознания двадцатого века: их возникновение, главные тезисы, выдвинутые контраргументы. Упомянуты основные мыслители, относящиеся к этим направлениям. Особое внимание уделено функционализму и его разновидностям. Изложены отдельные тезисы Дэвида Чалмерса, касающиеся панпсихизма и его взглядов на возможный путь построения научной теории сознания – информационной теории сознания. Абстрактно показаны основные необходимые этапы развития этой теории, обозначены основные, актуальные на данный момент проблемы. После этого выдвинут тезис о том, что подобная теория, а также теория, предполагаемая Роджером Пенроузом, обладают теми же недостатками, что и актуальное научное знание, претендующее, с точки зрения отдельных мыслителей, на рассмотрение сознания в качестве своего объекта. Также выдвигаются аргументы онтологического характера о невозможности научного понимания сознания, во всяком случае без тех изменений бытия субъекта, что лежат за пределами его возможных интенций. Таким образом, делается вывод о том, что современная философия не обладает никаким определенным знанием о том, что надо предпринять для создания научной теории сознания, что, однако, не лишает упомянутую информационную теорию смысла.

Сознание, наука, функционализм, информация, панпсихизм, вычисление.

Феномен сознания интересует философов достаточно давно. Как именно оно соотносится с материальными процессами, материальным состоянием? Этот вопрос, также называемый психофизической проблемой, впервые был сформулирован Рене Декартом. Декарт последовательно придерживался дуалистического изоляционизма: дух и вещи существуют как формы различных субстанций, при этом реально не имеющие прямых каузальных связей, их кажущаяся взаимосвязанность есть лишь исходная синхронизация. Декарт объясняет это на примере двух часов, одни из которых звонят каждый час, а другие – нет. Смотря на вторые, скажем, в три дня, мы услышим звон, и можем подумать, что он порожден именно теми часами, что у нас в руках, хотя это не обязано быть правдой. Так и у души и тела есть свой «часовщик», который гарантирует их работу и под которым Декарт, разумеется, имеет в виду бога. Надо сказать, что этот вывод несильно противоречил религиозному духу своего времени, и вместе с тем, приводил к выводам, которые можно назвать вполне научными. Если тело существует независимо от духа, то его строение можно изучить и описать как механизм, и, более того, на него можно влиять, и тем самым вызывать изменение и внутри духа, так как великий часовщик с начала времен это предусмотрел. В модели Декарта действия тела обусловлены рефлексам, создаваемыми нервной машиной с центром в мозге и нервными трубками, исходящими из него. Отсутствие достоверного знания об устройстве нервной системы вынудило его описывать на основе известных фактов о кровообращении [17].

Готфрид Лейбниц оперировал той же идеей о синхронизации, что и Декарт, но вместо дуализма он склонялся к существованию бесчисленного множества субстанций, которые он называл монадами. Принцип изоляции физического и психического при этом сохранялся: монады изначально синхронизуются и одновременно делятся на физические и духовные. Это разделение надо понимать не как онтологическое, а скорее с точки зрения того, как порождаемые этими монадами феноменами воспринимались в более традиционных для того времени дуалистических концепциях. При этом субстанциальная изоляция была более жесткой, чем у Декарта [17]. Интересен описанный мысленный эксперимент под названием «Мельница Лейбница», в котором предлагается представить машину, реализующую основные «психические» функции человека, размером с мельницу. Заглянув внутрь вы не найдете ничего, связанного с сознанием, а лишь множество шестеренок. Для Лейбница это был аргумент, подтверждающий изолированность физики и духа, но его также можно рассматривать несколько с другой стороны. Мы вернемся к этому эксперименту несколько позднее при формулировании тезисов данной статьи.

В восемнадцатом веке, впервые в новоевропейской философии проявился материалистический взгляд на сознание. Для Дени Дидро сознание было частным случаем ощущения, которое является «всеобщим свойством материи или продуктом ее организованности» [1, с. 387]. Позднее, в диалектическом материализме, можно встретить более определенное понимание сознания. Оно опирается на так называемое

мый феномен отражения. В сущности, это позаимствованная Карлом Марксом рефлексия Гегеля, интегрированная в диалектику материализма. Отражение есть свойство материи, материальный, объективный процесс, в ходе которого материя отражается в самой себе. По сути, с позиции марксизма фундаментальные законы физики есть попытка формализовать всеобщий закон отражения. Отражение обладает качеством, сознание же является проявлением закона отражения высшего качества. Таким образом, сознание – это естественное свойство материи. Маркс утверждал, что «разум существовал всегда, только не всегда в разумной форме» [2, с. 380].

Впоследствии материалистический взгляд на сознание стал наиболее распространенным в академическом сообществе, так как он в большей степени отвечает парадигме науки, которая к этому времени не только обособилась от прочих видов знания, но и стала обладать непререкаемым авторитетом в академических социальных институтах.

Двадцатый век сделал проблему сознания актуальной как никогда ранее. Создание теоретической основы вычислительной техники и дальнейшая ее практическая реализация подтвердили взгляды многих философов и ученых Нового времени на человека как на особого рода машину. Успехи в разработке программного обеспечения и робототехники и сегодня делают вопросы о природе сознания все более актуальными. Может ли машина обладать сознанием? Что является основой для сознания? Теперь нам крайне важно не только изучить природу человеческого сознания, которым все люди конвенционально обладают, но и научиться определять наличие, качество и свойства сознания в материи другого типа.

В философии двадцатого века можно несколько основных направлений, занимавшихся проблемой сознания. Бихевиоризм говорит о том, что сам феномен сознания следует удалить как объект изучения и сосредоточиться на поведении, так как именно оно является объективным. Подобный взгляд позволил психологии оформиться как науке. Несмотря на многочисленные позитивные прикладные следствия этого похода, все же многие ученые сегодня сходятся во мнении, что он привел психологию в стадию кризиса, так как изучаемый объект во многом себя попросту исчерпал. В сущности, бихевиоризм не является концепцией сознания.

Теория идентичности, также называемая редукционным физикализмом, пытается установить соответствие между физической основой и феноменальным сознанием. Она была создана психологом Эдвином Борингом. Суть теории замечательно описывается ее сторонником Уллином Плэйсом: «Два события, которые всегда происходят в одно и то же время, в одном и том же месте, без каких-либо пространственных и временных различий являются не двумя, а одним и тем же событием» [15]. Соответственно, сознание полностью исчерпывается состояниями мозга, который его порождает, и мы можем изучать сознание напрямую в физических терминах. Популярность этой концепции пошла на спад начиная с 70-х годов. Это явилось следствием ряда аргументов, в частности, аргументации о множественной реализации сознания.

Многие, а вероятно, и все, аспекты человеческого поведения могут быть воспроизведены на электронной вычислительной машине или другом участке материи, который на низком физическом уровне имеет кардинально иную природу, нежели человеческий мозг, и это бы означало, что различные реализации одного логически идентичного сгустка материи порождали бы различное сознание, если второй случай порождал бы сознание вообще. В частности, это противоречит взгляду психологии на то, что сознание определяется поведением. Также против теории идентичности говорит качественное представление сознания. Квалиа – термин, введенный для различения ощущений. Это некоторый класс эквивалентности, задающий соответствие, например, возникающим в сознании звукам дверного звонка, ощущаемых в различные временные моменты. В 1982 г. Фрэнк Джексон опубликовал статью под названием «Epiphenomenal Qualia» журнала «The Philosophical Quarterly», в которой он описывает мысленный эксперимент под названием «Mary's Room» [11]. Джексон предлагает представить исследовательницу феномена цвета по имени Мэри, всю свою жизнь проведшую в черной комнате. Мэри знает всю физическую информацию о цвете, какую только можно получить и как именно сигнал от сетчатки глаза до мозга, как он далее влияет на конкретные нейроны мозга. Джексон задает вопрос – что же произойдет, если Мэри выпустят из ее комнаты? Узнает ли она что-нибудь новое. Поскольку исследовательница определенно испытает новое квалиа, то ответ – да. Это означает, что квалиа – объект внутри сознания, который не поддается физическому описанию. Физикализм не следует путать с материализмом, как это иногда происходит. Материалист может отрицать физикализм, так как материя может существовать по тем законам или порождать те феномены, которые не описываются текущим языком физики. В такой формулировке оптимистично допускается возможность принципиального развития языка физики и, соответственно, обращение физикализма в истинностное утверждение в неопределенном будущем [12].

Функционализм решает проблему описания множественной реализации, с которой не справляется теория идентичности. Функционализм говорит о том, что есть некоторые функциональные связи материи, которые и порождают сознание. Формулировка достаточно размыта, поскольку в действительности функционализм представлен обширным семейством направлений. Функционализм конечных автоматов (Хиллари Патнэм) пытается объяснить сознание и его причины в терминах теоретических вычислительных абстракций [16]. Психо-функционализм (Джерри Фодор, Зенон Пыльшин) говорит о том, что рассматриваемое психологией поведение и есть та самая функция, причем оно, хоть и сложно, но принципиально нередуцируемо к каким-то более простым феноменам [6]. Аналитический функционализм (Дэвид Льюис) в целом следует традициям британской философии языка и пытается обосновать сознание в терминах естественного языка и логики. Механистический функционализм (Гвальтеро Пиччинини, Карл Джиллет) пытается рассматривать сознание как реа-

лизацию определенного механизма [13]. Нед Блок и Джон Серл выступили критиками функционализма со своим мысленными экспериментами «Китайская нация» [4] и «Китайская комната» [18]. Несколько разными способами тот и другой эксперименты доказывают несостоятельность функционализма путем постулирования свойства абсурдности для ситуации, когда элементы, исполняющие сознательную функцию сами априори обладают сознанием. Дениел Деннетт ответил на эту критику тем, что сами эти доказательства имеют исключительно интуитивную природу и поэтому не являются вескими. Деннетт допускает супервентность одних ментальных свойств над другими, таким образом, сознание на одном и том же участке материи может проявляться как феномен – множественно [9]. Функционализм в некоторых формах также успешно справляется с аргументом о «Комнате Мэри», так как в его рамках вполне уместно допустить, что эти функции не описываются в физических терминах.

В 1995 году Дэвид Чалмерс опубликовал статью «Facing up to the Problem of Consciousness» в журнале «Journal of Consciousness Studies» [7], а в следующем году он развивает ее и так появляется на свет книга «The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory» [8]. Чалмерс убедительно обосновывает несостоятельность физикализма, показывая, что методы современной науки неспособны рассматривать сознание, так как двойник нашего мира, лишенный, однако, сознания не только логически непротиворечив, но и непротиворечив относительно наборов физических свойств науки. Следовательно, сознание – не факт, редуцируемый к каким-то известным свойствам материи, а новое естественное, но не формализованное свойство. Также, если мы будем искать в физике некоторый коррелят сознания, некоторый своеобразный «психон», то мы не сможем достоверно никогда установить является ли рассматриваемая частица им или нет. Это возвращает нас к аргументу Лейбница: что бы мы ни рассматривали в качестве «мельницы», сказать, что из этого является «психоном» возможным не представляется. Соответственно, единственной доступной для нас возможностью принять сознание в наше знание является панпсихизм. Панпсихизм – концепция, согласно которой сознание, как естественное свойство, присуще любой материи. Это вполне укладывается как в марксистское представление сознания, так и в версию функционализма, рассматриваемую Деннеттом. То есть сознанием обладает как мозг человека, так и любая его часть, так и все человеческое тело, так и все человечество и, например, вся планета Земля. Однако все эти сознания будут принципиально разного вида. Но что же, в таком случае, определяет качество материального отражения? Чалмерс отвечает, что, в его понимании, сущность информации является как раз тем, что обосновывает феномен сознания. Качество обработки этой информации, то, что определяет свойства возникающего сознания. Это, в определенной мере, роднит Чалмерса с функционализмом конечных автоматов. Проблема в том, что способ измерения качества этой обработки до сих пор остается абсолютно неизвестным. Дэвид Чалмерс с энтузиазмом говорит о возможности по-

строения именно научной теории сознания. Для этого, похоже, необходима смена научных парадигм и введение принципиально новых научных методов. Схожую точку зрения занимает известный ученый Роджер Пенроуз. Не разделяя панпсихистских взглядов и делая ставку на природу снятия квантовой неопределенности, он, тем не менее, также говорит о создании новой физики, которая позволила бы рассматривать сознание как научный объект [14].

Но все же какие шаги необходимо предпринять, чтобы создать научную теорию сознания? Как нам ввести критерий, который отделял бы действительную теорию сознаний от тех, что рассматривают лишь сознательные корреляты, как это делают физика или психология? Попробовав последовать за мыслями Чалмерса, можно относительно конкретно описать необходимые шаги в создании и развитии теории интеграции информации, которая, по его мнению, претендует на звание искомой теории. Для этого необходимо формализовать понятие информации таким образом, чтобы выполнялось как минимум несколько условий.

1. *Когерентность определения информации с его актуальным использованием в технической сфере.* Информация со времен начала своего использования в инженерии обросла серьезной теоретической базой, которая при этом, как ни странно, четкого ответа на вопрос о том, что такое информация, не дает. Тем не менее, если мы будем пытаться объяснить этот факт, то наши нововведения не должны вступать в противоречие с имеющимся знанием. В противном случае это уже нельзя называть *информационной* теорией сознания.

2. *Оно должно допускать возможность множественной реализации идентичных сущностей.* То есть должен присутствовать некоторый класс эквивалентности, который говорит о некотором роде тождественности информационных состояний, которые ведут к одинаковому поведению. В противном случае такая теория будет обладать теми же недостатками, что и теория идентичности типов.

3. *Понятие информации должно объяснять фрактальную природу сознания (в функционализме).* Так как одному и тому же набору свойств могут соответствовать два различных набора ментальных свойств разного масштаба, как в эксперименте «Китайская нация», то и эквивалентное качество этой информации также должно реализовываться при рассмотрении обоих этих масштабов.

4. *Информация должна быть присуща любой материи.* Это, в каком-то смысле, минорное требование, обусловленное признанием панпсихизма.

Далее следовало бы определить, чем же является это самое «качество» информации. Его явно можно отождествить с качеством отражения материи в диалектическом материализме. Но так как отражение есть процесс и сознательный феномен есть результат движения материи, то оценивать нужно качество не конкретного информационного состояния, но качество его изменения.

Опубликованная в 2003 году физиком Эдвардом Фредкином работа «An introduction to Digital Philosophy» в «International Journal of Theoretical Physics»

рассказывает о направлении под названием «Цифровая философия» [10]. Согласно этой концепции термины вычислительной техники являются основополагающими для понимания устройства Вселенной, а Вселенная, в сущности, – клеточный автомат, а пространство и время – дискретны. В этом смысле отражение – есть вычисление, дискретный перевод Вселенной из одного состояния в другое. Полагаю, свойство дискретности на самом деле не является принципиальным, и вполне возможно рассматривать континуальные вычисления. Некоторые сторонники цифровой философии, такие как Никлас Бостром с работой «Are You Living in a Computer Simulation?» [5], ведут к тому, что это сходство говорит о высокой вероятности того, что мы и вся Вселенная есть порождение вычислений некоторого компьютера. Однако следует обратить внимание скорее на возможность другого вывода: создание человеком понятий, использованных при создании вычислительной техники, является наиболее естественным по той причине, что только на их основе можно создать подобный механизм и это является одним из самых интересных проявлений закона отражения: то, как закон отражения отражает сам себя. Впрочем, не стоит идеализировать этот аспект. Вследствие разницы между классами вычислимого для людей и формальных систем, можно сказать, что отражение в данном случае неидеальное.

Таким образом, одной из задач построения теории видится определение качества вычисления, представляемого отображением из одного пространства информации в другое. Этот подход близок к тому, что описывается в функционализме конечных автоматов, однако очевидно, что в рамках известной нам формализации алгоритма это лишь определенной точности аппроксимация по причине все той же разницы классов вычислимости.

Качество вычисления – это некоторый заданный в пространстве всех вычислений порядок, позволяющий сравнить любые два вычисления на «больше»/«меньше»/«равно». Определение такого термина позволило бы не только сравнить такие события, как пустое вычисление, численное решение интеграла, поведение чат-бота, имитация роботом человеческой деятельности в узконаправленной сфере и, собственно, вычисления, происходящего внутри мозга человека. Эта характеристика в таком виде и окажется порядком сознания.

После прохождения этого пути, построение основ информационной теории сознания кажется законченным. Но что же явилось его объектом? Если представить наименьшие информационные элементы, что они будут собой представлять? У нас нет другой возможности, кроме как формировать их на основе некоторых замеров, и минимальный возможный замер для нас – это замер состояния фундаментальной частицы. Соответственно, любые информационные свойства в рамках такой теории будут супервентны на существующем физическом описании, и из ложности физикализма в контексте описания сознания также будет следовать, что объектом такой теории является вовсе не сознание. Это, разумеется, не говорит о том, что такая теория не имеет смысла – построенная таким

образом теория информации, определенно, имеет высокое, как философское, так и прагматическое, значение, поскольку позволяет ввести хоть какую-то формализованную аппроксимацию физических коррелятов сознания.

Пенроуз предлагает свой подход к построению теории сознания. Предположение заключается в том, что сознание продуцируется квантовыми процессами, происходящими в микротрубочках нейрона, а отсутствие сознания в научной картине мира обуславливается невычислимой природой этих процессов. Соответственно, построение иной теоретической базы для алгоритмов, такой, чтобы нивелировать разницу между вычислимыми классами, позволит включить сознание в объект физики. С точки зрения математического знания необходимо провести колоссальную работу, так как алгоритмическая невычислимость порождена логической аксиоматикой современной математики. Это ставит колоссальной сложности задачу. Но при этом выходит, что Пенроуз пытается локализовать сознание, его идея, в общем-то, антропоцентрична, проблемы чего ярко показаны в работах Чалмерса: ни на каких психопах теорию сознания определенно не построить.

Каковы же тогда перспективы для именно научной теории сознания? Ведь психология смогла стать наукой только тогда, когда выбросила сознание и переклонила на поведение. Причина этой проблемы видится в онтологическом разделении на субъективное и объективное. Сознание как феномен тождественно субъективному бытию. Все известные объекты науки находятся в объективном бытии. И надо понимать, что это не некоторое изолированное разделение – субъективное и объективное активно взаимодействуют, и мы обнаруживаем крепкую связь между ними, если конечно не принимать идеалистические взгляды Декарта и Лейбница. Но, исходя из особенностей нашего сознания, признания обманчивости ощущений и несовершенства мышления, мы приходим к экзистенциальному заключению о том, что объективная реальность, объективное бытие – есть лишь модель, навязываемая нам природой нашего субъективного бытия. Как сказал Жан-Поль Сартр: «Существование предшествует сущности» [3, с. 320]. Сама наука есть нечто внутри объективного, создаваемая субъективным. Это ни в коем случае не является отрицанием материализма, он представляется вполне возможным, но материя и реальность обладают трансцендентными свойствами. Исходя из сказанного, вопрос о возможности создания научной теории выглядит так: «Является ли область объективного, под названием “наука” достаточно мощной, чтобы описать, очевидно, более широкий феномен субъективной реальности?».

Возможно, нам надо пересмотреть наши текущие научные парадигмы и ввести какие-то принципиально новые методы, тем самым несколько расширив науку? Гипотетически, основываясь на нашей рассмотренной ранее информационной теории и оптимистичном взгляде на перспективы технологического развития, мы могли бы предположить потенциальную технологию, которая позволила бы переносить личность человека на произвольный носитель (компьютер, животное, другой человек или даже нечто обычно рас-

смаатриваемое как неодушевленное). После отправки исследователя в сознающий субъект и возвращения его обратно можно было бы исследовать пережитый им опыт с данного им словесного описания. Но, очевидно, перенесенный опыт будет у исследователя в виде измененной памяти, так как достоверное присутствие сознания у нас есть лишь в конкретный момент, а действительный факт сознания в прошлом стерт или никогда не существовал. Сознание, несмотря на свою обширность и содержание внутри всего прочего доступного бытия, постоянно ускользает от нас, когда мы пытаемся качественно с ним соприкоснуться.

Похоже, что мы сидим в кинотеатре (особенно, если вы – сторонник детерминизма), и все, что у нас есть, – это лишь изображение на полотне, которое не говорит нам ничего о том проекторе, что определяет свойства этого изображения. А попытка объективного исследования этого проектора – поиск проекторов на видимой картинке. Но у нас нет никаких гарантий того, что те аппараты, что мы наблюдаем, действительно соответствуют тому аппарату, что ответственен за наши ощущения, так как он всегда остается за кадром. Если такая ситуация есть следствие природы нашего бытия, то возможностью выхода из этого тупика было бы само изменение нашей природы – если определение нашей трансцендентности тождественно классу вычислений, происходящих в материи, продуцирующей наше сознание, то внесение в него информации, порождающей ранее недоступные для него вычисления, могло бы сдвинуть границу трансцендентного. Так как понимание нами наших процессов мышления далеко от качественного, у нас еще остается небольшая надежда на то, что эти изменения самих себя доступны в наших актуальных намерениях. Но это только если такой род вычислений действительно может быть.

Философия сознания проделала немалый путь и, в итоге, философы стали пытаться двигать эту область навстречу науке. Столетия рассуждений отточили понятийный аппарат, указали многие принципиальные возможности и невозможности, сузили спектр возможных поисков исходного ключа, а технологическое развитие двадцатого века подняло актуальность принципиально новой возможности исследования если не самого сознания, то его соответствий физическому пространству. Последние десятилетия показали перспективы панпсихизма, функционализма и информационного подхода. Давать конечный ответ на вопрос о возможности построения научной теории сознания было бы слишком самонадеянно, однако аргументов «против» гораздо больше, чем аргументов «за» и конкретных путей, по которым можно было бы

пойти, не видно. Тем не менее энтузиазм вокруг «информационной теории информации» не следует сбавлять – подобный подход может оказаться качественным обогащением как философского, так и научного знания. Философия сознания же также еще располагает многими неисследованными областями, а, конкретно, функционализм в своем движении может прийти к симбиозу с онтологией информации.

Литература

1. Дидро, Д. Сочинения: в 2 т. / Д. Дидро. – Москва: Мысль, 1986. – Т. 1. – 592 с.
2. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т.1. – 699 с.
3. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – Москва: ПолитИздат, 1989. – С. 319–344.
4. Block, N. Troubles with functionalism / N. Block // Minnesota Studies in The Philosophy of Science. – 1978. – № 9. – P. 261–325.
5. Bostrom, N. Are You Living in a Computer Simulation? / N. Bostrom // Philosophical Quarterly. – 2003. – № 53 (211). – P. 243–255.
6. Chalmers, D.J. Connectionism and Compositionality: Why Fodor and Pylyshyn Were Wrong / D.J. Chalmers // Proceedings of the Twelfth Annual Conference of the Cognitive Science Society, 1990. – P. 340–347.
7. Chalmers, D.J. Facing Up to the Problem of Consciousness / D.J. Chalmers // Journal of Consciousness Studies. – 1995. – № 3. – P. 200–219.
8. Chalmers, D.J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory / D.J. Chalmers. – New York; Oxford: Oxford University Press, 2002. – 432 p.
9. Dennett, D. Consciousness Explained / D. Dennett. – New York: Back Bay Books, 1992. – 528 p.
10. Fredkin, E. An introduction to Digital Philosophy / E. Fredkin // International Journal of Theoretical Physics. – 2003. – № 42 (2). – P. 189–247.
11. Jackson, F. Epiphenomenal Qualia / F. Jackson // Philosophical Quarterly. – 1982. – Vol. 32, № 127. – P. 127–136.
12. Jackson, F. What Mary Didn't Know / F. Jackson // Journal of Philosophy. – 1986. – Vol. 83, № 5. – P. 291–295.
13. Gillet, C. A Mechanist Manifesto for the Philosophy Of Mind: The Third Way for Functionalists / C. Gillet // Journal of Philosophical Research. – 2007. – № 32. – P. 21–42.
14. Penrose, R. The Emperor's New Mind / R. Penrose. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1989. – 480 p.
15. Place, U. Is Consciousness a Brain Process? / U. Place // British Journal of Psychology. – 1956. – № 1. – P. 44–50.
16. Putnam, H. Minds and Machines / H. Putnam // Journal of Symbolic Logic. – 1960. – № 1. – P. 57–80.
17. Russell, B. History of Western Philosophy / B. Russell. – New York: Simon And Schuster, 1972. – 835 p.
18. Searle, J. Minds, brains and programs / J. Searle // Behavioral and brain sciences. – 1980. – № 3. – Т. 3. – P. 417–424.

ON THE PROBLEM OF CONSTRUCTION THE SCIENTIFIC THEORY OF CONSCIOUSNESS

This article describes the main development stages of understanding the phenomenon of consciousness during the period of New Philosophy. The views of such major philosophers as Rene Descartes, Gottfried Leibniz and Karl Marx are presented. Then the main ideas of the philosophy of consciousness of the twentieth century are revealed in more detail: the facts about their appearance, the main theses, and counterarguments. The key philosophers, who belong to these spheres, are mentioned. Special attention is drawn to the functionalism concept and its types. Also, there are theses about David Chalmers' view on panpsychism and the possibility of building up a scientific theory of consciousness on the basis of information. The main stages and actual problems of this theory are abstractedly stated. There is a thesis that this theory, as well as Roger Penrose's theory, has the same weaknesses as the current science. Then the author offers ontological arguments about the impossibility of the scientific understanding of consciousness. Consequently, the modern philosophy has no certain knowledge about a scientific theory of consciousness, with the effect that the informational theory of consciousness is meaningless.

Consciousness, science, functionalism, information, panpsychism, computation.